

УДК 94

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-7/2-54-58

ГОЛЯНДИН Николай Петрович,
Северо-Кавказский институт повышения квалификации
сотрудников МВД России (филиала) Краснодарского
университета МВД России, г. Нальчик (Кабардино-
Балкарская Республика), Россия

GOLYANDIN Nikolay P.,
North-Caucasian Institute of Advanced Russian Police
Academy (branch) of Krasnodar University of Russian
Interior Ministry, Nalchik, (Kabardino-Balkarian Republic),
Russia

АРДАВОВ Михаил Мухамединович,
Северо-Кавказский институт повышения квалификации
сотрудников МВД России (филиала) Краснодарского
университета МВД России, г. Нальчик (Кабардино-
Балкарская Республика), Россия

ARDAVOV Mikhail M.,
North-Caucasian Institute of Advanced Russian Police
Academy (branch) of Krasnodar University of Russian
Interior Ministry, Nalchik, (Kabardino-Balkarian Republic),
Russia

ЖИРИКОВА Александра Николаевна,
Управление по экономической безопасности и проти-
водействию коррупции МВД по Кабардино-Балкарской
Республике,
г. Нальчик (Кабардино-Балкарская Республика), Россия

ZHIRIKOVA Alexandra N.,
Department of Economic Security and Anti-Corruption of
Interior Ministry of Kabardino-Balkaria (Russia),
Nalchik, (Kabardino-Balkarian Republic), Russia

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ РОЗЫСКНОЙ РАБОТЫ В РОССИИ

HISTORICAL ASPECTS OF FORMATION OF INVESTIGATIVE WORK IN RUSSIA

В статье на основании исторического анализа развития российской государственности, детально рассмотрены вопросы становления и развития системы розыска лиц, как специализированного вида правоохранительной деятельности. Проблемы безопасности и борьбы с преступностью, в том числе розыска пропавших без вести лиц (поскольку пропавший мог стать жертвой преступления), волновавшие древние государства, безусловно, не были чужды и для Древней Руси, а затем Российской империи. На различных исторических этапах развития нашего государства эти вопросы решались по-разному, соответственно трансформировалось и содержание понятия «розыск». Приступая к характеристике выделенных темой нашей статьи вопросов становления розыскной системы в России, следует отметить, что розыск лиц, как скрывшихся от наказания после совершения преступления, так и пропавших без вести, всегда представлял одно из сложных направлений деятельности независимо от статуса субъекта, то есть являлась эта служба государственной или же эту работу выполняет лицо, заинтересованное в розыске (пострадавший от преступления или родственник пропавшего).

The article based on historical analysis of Russian state development in detail researched the questions of formation and development of investigation of persons as a specialized type of law enforcement. Security concerns and the fight against crime, including tracing missing persons (as missing might become a victim of crime), worried the ancient states, certainly not alien and ancient Russia, and then Russian Empire. In different historical stages of development of our country, these matters are dealt with in different ways, respectively, and transformed concept of “wanted list”. Getting to characteristics of selected theme of the article questions of formation of investigative system in Russia, it should be noted that the search for persons, like hiding from punishment after the crime, as well as missing persons, has always represented one of the most difficult areas of activity regardless of the status of the subject, that is, was the service of state or the work of a person interested in the search for (victim of a crime or a relative of missing).

Ключевые слова: правоохранительная деятельность, розыск лиц, преступление, без вести пропавший, история, закон

Keywords: law enforcement, search of persons, crime, missing people, history, law

Проблемы безопасности и борьбы с преступностью, в том числе розыска пропавших без вести лиц (поскольку пропавший мог стать жертвой преступления), волновавшие древние государства, безусловно, не были чужды и для Древней Руси, а затем Российской империи. На различных исторических этапах развития нашего государства эти вопросы решались по-разному, соответственно трансформировалось и содержание понятия «розыск».

Приступая к характеристике выделенных темой нашей статьи вопросов становления розыскной системы в России, следует отметить, что розыск лиц, как скрывшихся от наказания после совершения преступления, так и пропавших без вести, всегда представлял одно из сложных направлений деятельности независимо от статуса субъекта, то есть являлась эта служба государственной или же эту работу выполняет лицо, заинтересованное в розыске (пострадавший от преступления или родственник пропавшего).

В Древней Руси случаи нарушения публичного спокойствия, в том числе и исчезновение человека, как правило, решались в общинах – общинными судами. Они вершили суд по мере надобности, по совести и по установившемуся обычаю – «по закону». Рассматриваемые дела возникали каждый раз по личному заявлению потерпевшего-истца, в современной правовой фразеологии – в порядке частного обвинения. Разделения дел на гражданские и уголовные не было. Княжий су, осуществлялся самим князем только по месту его нахождения, то есть в Киеве, а также при его выездах в «чужие земли», по наиболее сложным (тяжким) делам.

Подобный порядок организации правоохранительной деятельности, впоследствии был закреплен киевскими князьями в официальном законодательном документе под названием «Русская Правда».

Русский историк права Серафим Владимирович Юшков, определяя этот документ «сборником уголовно-процессуального права», отмечал, что нормы «Русской Правды» были постепенно кодифицированы киевскими князьями на основе устного племенного права, с включением моментов скандинавского и византийского права, а также церковного влияния [9, с. 282].

По «Русской Правде» предъявление жалобы (иска), как уголовного, так и гражданского, было делом потерпевшего, его ближайших родственников или другого заинтересованного лица. Обеспечение присутствия ответчика на суде, а в некоторых случаях и производство его розыска, включались в обязанности истца [7]. Практически во всех случаях розыска его инициатор мог рассчитывать только на свои силы, а также помощь родственников или членов общины. Лишь только в случае, если дело рассматривалось княжеским судом, меры, принимаемые по розыску и доставлению разыскиваемого на суд, осуществлялись членами княжеской дружины.

Анализ норм древнерусского законодательства позволяет нам выделить следующие виды розыска ответчиков, независимо от характера предъявляемого к ним иска: 1) гонение или сокрытие следа; 2) заклич; 3) свод.

Первый вид розыска – гонение следа осуществлялся в отношении лиц, совершивших противоправное деяние и скрывшихся от преследователей – исцов.

Из анализа содержания ст. 70 «Пространной Русской Правды» [4, с. 131] следует, что ответственность по поиску лица возлагалась на членов той общины – верви, на территорию которой привели следы ответчика (татя). Община должна была принять все меры к его розыску и при обнаружении выдать его либо отвести от себя след – «отсочить татя». Последнее представители общины делали только в присутствии посторонних людей – свидетелей, которые могли подтвердить отсутствие ответчика в пределах владений и проживания общины. Если это удавалось, ответственность с общины снималась.

Если члены общины отказывались произвести «разыскания» на своей территории или не допускали представителей потерпевшей стороны, или вообще не хотели содействовать им, то обязаны были уплатить особую пеню – «дикую виру», то есть плату, а точнее расплату за чужую вину. Из содержания статьи 70 также следует, что розыск мог закончиться и без результатов, если след выводил на большую дорогу или безлюдное место.

Другой формой розыска, введенной статьей 26 Русской Правды, стал так называемый «заклич по торгу», применявшийся в случае пропажи челядина (раба) или вещи. Понятие «закличуть (заповестить) и на торгу» означало оповещение населения через биричей (глашатаев) на торгу о бегстве или пропаже челядина (ст. 28 Пространной Русской Правды). Закличь, или заповедь, на торгу запрещала принимать краденую вещь или беглого раба. Срок для привода убежавшего челядина (холопа) был установлен в 3 дня. После этого новый владелец бежавшего холопа или его укрыватель должен был платить истцу «продажу» (т.е. возместить убытки) по правилам украденной вещи (т.е. значительно дороже).

Третий вид розыска – свод (ст. 29 Пространной Русской Правды) начинался с опознания владельцем утраченной собственности (челядина или вещи), находящейся в правомерном владении другого лица, если последний утверждает, что купил его. Закон предписывал в таком случае начинать сведение показаний (отсюда возникло само название розыска – «свод»), с опроса самого челядина и идти от одного покупателя челядина к другому. По сути, определяющим моментом розыска исчезнувшего челядина являлся его поиск по идентификационным признакам, но, как он должен был проводиться, в самом Законе не описывалось. Другое дело, если речь шла о розыске человека, который украл этого самого челядина.

Если выяснялось, что следы разыскиваемого ведут за пределы города и прилегающей к нему территории «в чужую землю», розыск прекращался. При обнаружении разыскиваемого, последний должен был заплатить штраф в 12 гривен.

По мере укрепления центральной княжеской власти, установления на всей территории государства единого порядка и обеспечения безопасности его жителей, возникла необходимость в создании специализированного административного аппарата и должностных лиц, обеспечивавших реализацию княжеской воли.

В.И. Власов и Н.Ф. Гончаров, проводившие специальные исследования исторических аспектов розыска преступников в России, указывают, что в истории русского права первым лицом, осуществлявшим сыск (розыск) людей, был «емец», который выполнял функции «поимщика вора». Свои выводы они основывают на том, что «данное лицо упоминается в краткой редакции Русской правды в ст. 40 и ст. 41» [1, с. 9-10].

Об этом же свидетельствует и А.А. Зимин, который в комментарии к ст. 74 Пространной редакции Русской Правды писал: «Если в Краткой правде изловить преступника, найти краденое и пр. помогал емец, которым мог быть и кто-либо из посторонних людей и княжеских агентов, то теперь [то есть в более поздний исторический период – прим. автора] его место занял отрок, «детский». При этом отрок «фигурировал лишь в качестве помощника старшего дружинника (мечника или вирника)» [4, с. 171].

Необходимо также отметить, что в одном лице этого служащего совмещались должности розысника, судьи и сборщика судебных пошлин, в зависимости от того, какую из указанных функций в данный момент он выполнял.

С изданием в 1539 г. Белозерской и Каргопольской губных грамот в России начинается губная реформа, в ходе которой происходит окончательное разделение единого древнерусского состязательного процесса на два вида: розыск (розыскной процесс) и суд (состязательный процесс), а также совершенствование организационно-правовых форм деятельности государственных учреждений. В Великом Московском княжестве (XV – первая половина XVI столетий) полицейские, в том числе и сыскные, функции выполняли Земский, Разбойный, Сыскной и ряд других приказов – в центре и губные избы – на местах. Это были учреждения широкой правоохранительной компетенции. В Разбойном приказе приставы осуществляли розыск и поимку лиц, совершивших убийство, грабежи и другие тяжкие преступления, а также осуществляли управление губными избами, санкционировали их приговоры [5].

В приказе Сыскных дел приставы ловили сбежавших холопов и доставляли их в судебные органы (суд наместника или суд боярский) для определения их дальнейшей судьбы. Характерно, что уже в это время поимку беглеца в пределах уезда производил пристав местного удельного князя или его наместника, а за его пределами – пристав того уезда, куда сбежал холоп.

В эпоху Судебников и Соборного Уложения 1649 г. появляются и законодательно оформляются новые организационно-тактические формы розыска: по лихованным обыскам, по пыточному оговору или язычной молке и по челобитным непосредственно заинтересованных в исходе розыска лиц [3, с.241].

Розыск путем лихованного обыска связан с понятием преступлений как лихих дел, т.е. деяний, заключающих в себе понятие лиха, абсолютного зла, и был направлен на установление местонахождения скрывшихся преступников. Лихованный обыск представлял собой опрос населения с целью выявления ведомых (известных) ему лихих людей, возведения лиха на злодеев, их «отлихования». При этом выделяли два вида обыска: опрос соседей («окольных людей») и повальный (всеобщий) обыск (Глава XXI, ст. ст. 28, 29, 76, 95 Соборного Уложения 1649 г.) [8].

Должностные лица, ведавшие розыском, в назначенном месте собирали со всего уезда съезд князей, детей боярских, их приказчиков, церковнослужителей всех рангов, дьяков и крестьян всех наименований «с выти по человеку» и расспрашивали, по крестному целованию, кто у них в селах и деревнях лихие люди – тати, разбойники; к кому они приезжают и разбойную рухлядь привозят, и от кого на разбой ездят, и кому разбойную рухлядь продают. При этом обыскным людям делалось предупреждение, чтобы они «в обыске речи свои сказывали прямо, в правду, а не лгали и лихих бы людей не укрывали, а добрых бы людей напрасно не клепали, и по дружбе или по недружбе речей не говорили бы ни на кого; а учнут лгать, лихих людей укрывать, а добрых людей напрасно клепать, а после про то сыщется, и тем обыскным людям быти казненным» [4, с. 209].

Соборное Уложение распространило применение опроса окольных людей (иначе – обыска окольными людьми) на случаи «татьбы, разбоя, убийства, поноровки им в их местностях», а также для выявления «разбойных станов и хранилищ воровской рухляди».

Розыск по «язычной молке» был обязательным в отношении подозреваемых в преступлении и относился, скорее, к категории расследования. «И учнут на себе и на товарищей своих говорить, и по их язычным молкам оговорных людей имати» (ст. 1 Уставной книги Разбойного приказа) [5]. Следует сразу подчеркнуть, что розыск по «язычной молке» на Руси не был связан с повсеместным обвинением людей в совершении противоправных действий для личной выгоды или неконтролируемой верой оговорам. По Уставной книге Разбойного приказа оговорам вовсе не давали веры и по ним не начинали дела, если, во-первых, язык не оговаривал кого-либо в разбоях и татьбе с пыток, а начинал его оговаривать уже шедши на казнь; во-вторых, «язычная молка» (оговор) признавалась недействительной, если тати и разбойники оговаривали не с пытки, а во время длительного тюремного заключения, таким «язычным молкам» предписывалось не верить, неповинным людям тягот и убытка не чинить, но причины оговора требовалось выяснять; в-третьих, «язычная молка» признавалась недействительной, если язык оговаривал в преступлениях лиц, передававших его в губу; в-четвертых, не брался во внимание

оговор в расспросе до пытки, если язык от него отказывался при применении физического воздействия и первый, и второй, и третий раз (ст.19, 20, 36, 43 Уставной книги Разбойного приказа) [5].

Кроме лихованного обыска и «язычной молки» о местонахождении разыскиваемого могли узнать из челобитных потерпевших лиц. По нашему мнению, именно данный вид розыска чаще всего применялся при установлении местонахождения без вести пропавших лиц. Так, согласно статье 19 Уставной книги Разбойного приказа, данный вид розыска осуществлялся только на основании поличного, то есть очевидных событий. Например, когда разыскиваемый длительное время отсутствовал на постоянном месте своего жительства [5].

В конце XVII в. дополнительно к ранее указанным субъектам общеуголовного розыска вводится новая категория должностных лиц – обыщики (сыщики). Это были особые княжеские «порученцы», высылаемые центральной властью в города и вотчины для розыска и преследования беглых и преступников. Должность сыщика возникла на постоянной основе, когда его задачи, права и обязанности были регламентированы несколькими законодательными актами центральной власти. Самым полным из таких актов был царский «Наказ сыщикам беглых крестьян и холопов» от 2 марта 1683 г. [6, с. 80-93].

Наказ наделял сыщиков широкими полномочиями и определенной свободой действия на местах. Они подбирались, как правило, из дворянского сословия. К месту «поручения» сыщик выезжал с приданными ему дьяком и подьячими. А в соответствии с выдаваемой ему «послушной грамотой» воевода обязывался выделить сыщику местных стрельцов, палача и других служивых людей. Таким образом комплектовалось целое розыскное формирование, которое называлось «приказом сыских дел». Наказ возлагал на сыщиков ведение следствия и розыск не только беглых крестьян и холопов, но и беглых солдат [2].

Подводя итоги генезиса организационных основ розыска лиц в период формирования законодательства Российского государства, следует отметить, что законодательство Древней Руси, а затем Московского княжества содержало отдельные организационные элементы будущего розыскного процесса, который характеризовался следующими признаками:

- розыск лиц первоначально возлагался на коллективные формирования – общины, что позволяло активно привлекать к его осуществлению большую массу людей и устанавливать местонахождение исчезнувшего (бежавшего) лица без участия представителей государственной власти;
- частному лицу в розыске скрывающегося ответчика или пропавшего челядина могли оказывать помощь выделенные князем дружинники («емцы», «детьски», «отроки», «мечники», «вирники»), которым при положительном результате выплачивалось определенное вознаграждение, зависящее от стоимости возвращенного имущества или налагаемого урока (штрафа);
- в ходе осуществления розыска истцом и его помощниками могли быть использованы различные приемы как гласного («свод», «заклич на торгу»), так и тайного («гонение следа») характера.

С развитием права начинает складываться новая процессуальная форма рассмотрения фактов нарушений публичного спокойствия, получившая в дальнейшем название «розыск» или «сыск», предусматривающая проведение розыскных действий только по инициативе государственных органов. При этом термин «розыск» («сыск») в древнерусских памятниках права имел тройное значение: установление истины при расследовании обстоятельств; особая форма судопроизводства, следственный процесс и действия уполномоченных на то лиц по физическому поиску и установлению местонахождения разыскиваемого.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Власов В.И., Гончаров Н.Ф.* Организация розыска преступников в России в IX–XX веках (историко-правовое исследование): Монография. Часть 1. – Домодедово: РИПК работников МВД России, 1997. – 145 с.
2. *Васильев А.В.* Законодательство и правовая система дореволюционной России: Учеб. пособие для вузов / Под ред. С.А. Комарова. – СПб.: Питер, 2004. – 224 с.
3. История отечественного государства и права. Часть 1 // Под ред. Чистякова О.И. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2001. – 430 с.
4. Памятники русского права. Вып. 1. Памятники права Киевского государства. X–XII вв. / Под ред. С.В. Юшкова. – М.: Гос. изд-во юрид. литературы, 1952. – 303 с.
5. Памятники русского права. Вып. 5. Памятники права периода сословно-представительной монархии. Первая половина XVII в. / Под ред. Л.В. Черепнина. – М.: Гос. изд-во юрид. литературы, 1959. – 667 с.
6. Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. / Под ред. А.Г. Манькова. – М.: Юридическая литература, 1986. – 512 с.
7. *Тихомиров М.Н.* Пособие для изучения Русской Правды. – М. 1953. – 192 с.

8. Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. – М.: Изд-во МГУ, 1961.
9. Юшков С.В. Русская Правда: происхождение, источники, ее значение. – М. 1950. – 380 с.

REFERENCES

1. Vlasov V. I., Goncharov N. F. Organization of wanted criminals in Russia IX–XX centuries (historical and legal research). [Organizacija rozyska prestupnikov v Rossii v IX–XX vekah (istoriko-pravovoe issledovanie)]. Monograph. Part 1. To Domodedovo: Republican Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia, 1997. 145 p.
2. Vasil'ev A. V. the Law and legal system of pre-revolutionary Russia: Textbook. the allowance for high schools. Under the editorship of A. S. Komarova. [Zakonodatel'stvo i pravovaja sistema dorevoljucionnoj Rossii: Ucheb. posobie dlja vuzov .Pod red. S.A. Komarova]. SPb.: Peter, 2004. 224 p.
3. The history of domestic state and law. Part. 1. Under edition of O. I. Chistyakov . 3-e Izd., Rev. and extra. M.: Yurist, 2001. 430 p.
4. Monuments of Russian law. Vol. 1. Law monuments of the Kievan state. X–XII centuries. Under the editorship of S. V. Yushkov. M.: State. publishing house of the faculty of law. literature, 1952. 303 p.
5. Monuments of Russian law. Vol. 5. Law monuments of the period of estate-representative monarchy. The first half of the XVII century. Under the editorship of L. V. Tcherepnin. M.: State. publishing house of the faculty of law. literature, 1959. 667 p.
6. Russian legislation X–XX centuries: In 9 volumes. edited by A. G. for its control. M.: Legal literature, 1986. 512 p
7. Tikhomirov, M. N. A Handbook for the study of Russian Truth. M. 1953. 192 p.
8. Tikhomirov, M. N., Epifanov, P. P. the Sobornoye ulozheniye of 1649. Moscow: MSU Publishing house, 1961.
9. Yushkov S. V. The Truth Russian: the origin, sources, its importance. M. 1950. 380 p.

Information about the author

Голяндин Николай Петрович, кандидат юридических наук, доцент, профессор, кафедра специальных дисциплин, Северо-Кавказский институт повышения квалификации сотрудников МВД России (филиала) Краснодарского университета МВД России, г. Нальчик (Кабардино-Балкарская Республика), Россия

Ардавов Михаил Мухамединович, кандидат юридических наук, начальник кафедры специальных дисциплин, Северо-Кавказский институт повышения квалификации сотрудников МВД России (филиала) Краснодарского университета МВД России, г. Нальчик (Кабардино-Балкарская Республика), Россия

Жирикова Александра Николаевна, старший инспектор, Управление по экономической безопасности и противодействия коррупции МВД по Кабардино-Балкарской Республике, г. Нальчик (Кабардино-Балкарская Республика), Россия

Получена: 12.11.2015

Для цитирования статьи: Голяндин Н.П., Ардавов М.М., Жирикова А.Н. Исторические аспекты становления розыскной работы в России. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Том 7. № 7. Часть 2. с. 54-58.
doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-7/2-54-58

Информация об авторе

Golyandin Nikolay P., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Specialized Disciplines, North-Caucasian Institute of Advanced Russian Police Academy (branch) of Krasnodar University of Russian Interior Ministry, Nalchik, (Kabardino-Balkarian Republic), Russia

Ardavov Mikhail M., Candidate of Legal Sciences, Head of Department of Specialized Disciplines, North-Caucasian Institute of Advanced Russian Police Academy (branch) of Krasnodar University of Russian Interior Ministry, Nalchik, (Kabardino-Balkarian Republic), Russia

Zhirikova Alexandra N., Senior Inspector, Department of Economic Security and Anti-Corruption of Interior Ministry of Kabardino-Balkaria, Nalchik, (Kabardino-Balkarian Republic), Russia

Received: 12.11.2015

For article citation: Golyandin N.P., Ardavov M.M., Zhirikova A.N. Historical aspects of formation of investigative work in Russia. [Istoricheskie aspekty stanovleniya rozysknoy raboty v Rossii]. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social Educational Ideas. 2015. Tom 7. № 7. Vol. 2. Pp. 54-58.
doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-7/2-54-58